

ПЛЮШКИН – ПЛУТОС И САМОВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ВНЕШНИЙ МИР

Отношения человека и вещи имеют множество аспектов. Например, музейный экспонат – письменный прибор, очки или мундир – дополняет представление об известной личности, как бы храня на себе ее отпечаток. Будучи тесно связанной с человеком, духом времени, такая вещь доносит до нас информацию о них, а значит и выступает посредником между прошлым и настоящим. Эта функция вещи, далекая от ее практической, повседневной пользы, уже вторична и позволяет отнести подобный предмет, скорее, к категории ценностей духовных. В.Н. Топоров, рассуждая о «более чем «вещных» смыслах вещи», писал: «“Сентиментальное” отношение к вещам, как и связанное с этим чувство приобщение к человеку и его жизни..., как правило, основано не на «пользах», получаемых от них, и функциях вещей, но на их признаках, внутренне пережитых человеком и соотношенных им с теми или иными моментами своей жизни. Но такое отношение возможно лишь для человека, который сознает, что «вещный» уровень не исчерпывает суть вещи и что она включена и в иную сферу – духовного. «Человеческое» в вещи – в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней» [Топоров, 1995, с. 29].

Обобщение этого принципа духовного взаимодействия человека и вещи, причем отнюдь не в отрицательном смысле, культурологи находят в образе гоголевского Плюшкина. Их мысли интересны и многоплановы. Так в понимании Я. Абрамова, «... Плюшкин – великий образ, созданный великим писателем, но неправильно им истолкованный. В страсти Плюшкина к мелким, ненужным вещам есть нечто бесконечно трогательное, глубоко бескорыстное, что делает его отдаленным предшественником крохоборства. Если другие великие писатели: Шекспир, Мольер, Бальзак, Пушкин – изображали скупость в ее ве-

личественных формах и грандиозных потугах, как страсть к деньгам, к золоту, к роскоши, то у Гоголя является, один среди всех, очень странный скупой – в убыток себе. Плюшкин – это святой скупости, потому что из любви к вещам как таковым – в их малости, ничтожности – идет на огромные жертвы, теряет настоящее богатство. Мельницы, прядильни, суконные фабрики – все это идет прахом, потому что мелкий прах под ногами: старая подошва, железный гвоздь, глиняный черепок – становятся дорожкой денег и золота» [Цит. по: Топоров, 1995, с. 89].

Автор улавливает, в чем суть антагонизма между самим Гоголем и его персонажем: «Для Гоголя в его поэме главной надеждой стало величие родины: «Что пророчит сей необъятный простор? ...У! Какая сверкающая, чудная незнакомая земле даль! Русь!» Что могло значить перед этой беспредельной далью плюшкинское копошение в ветоши? Только одно: «до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» [Топоров, 1995, с. 90]. Но Абрамов говорит об обманчивости этого безграничного простора и бессмысленности этой быстрой езды «ниоткуда, никуда». Проецируя пример Плюшкина в современность, он считает, что «пришла пора человеку, гордо объявившему себя мерой всех вещей, увидеть в вещах свою малую меру – предел определения. Страшнее всего на этой земле – соблазн беспредметности, и никогда не лишним будет предмет, пусть малый и случайный, который нас над этой пропастью держит» [Топоров, 1995, с. 90].

Если потомкам в образе, созданном Гоголем, видятся еще и другие грани, если писатель, сам того не ведая, заложил в своем персонаже еще какие-то, неразвитые потенции, то это толькошний раз говорит о таланте мастера. Хотя, приоритет в видении персонажа, в данном случае – Плюшкина, по нашему мнению, должен отдаваться именно трактовке, на которой настаивал

автор – то есть негативной. В то же время, как объяснить ощущение современных авторов, высказанное В.Н. Топоровым, что в Плюшкине «что-то (и может быть, немалое) осталось в “затексте”» [Топоров, 1995, с. 44]? Различные трактовки и философские споры вызывают, как правило, образы парадоксальные. Как и в повседневной жизни, это люди противоречивые, со сложными психологическими проблемами, нелегкой судьбой. Именно таким показан Плюшкин. С другой стороны, возможно, в Плюшкине угадывается нечто архетипичное, связанное с древнейшими пластами человеческой психологии.

Наиболее очевидный парадокс образа Плюшкина в том, что он, по существу, «нищий богач». Человек, который настолько поразил Чичикова своим внешним убожеством, что тот, встретив его возле церкви, мог бы подать ему медный грош, – был помещиком. «У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы, загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной» [Гоголь, с. 108].

Образ «нищего богача», оказывается, был уже известен античной традиции. Его характеристику дает в своей статье «Слепец над обрывом» О.М. Фрейденберг [Фрейденберг, 1932, с. 229–244. См. также: Голіченко, 1994, с. 13–15]. Отправной точкой в этом исследовании служит комедия Аристофана «Плутос» (388 г. до н. э.). Плутос – это древнегреческий бог богатства, а также само понятие богатства. Несмотря на то, что в этой комедии разыгрывается спор между Богатством и Бедностью, – последняя настаивает на своей пользе для прогресса (нужно сказать, довольно убедительно), – в то же время уже сам вид Плутоса содержит это противоречие: бог богатства появляется в образе ветхого старца, грязного, согбенного, сморщенного, плешивого и беззубого, а главное – слепого [Аристофан, с. 419–420].

Против такого сравнения Плюшкина и Плутоса можно возразить. У Аристофана Плутос – герой положительный, а его неприглядная нищета – временна. Его отмывают и, после исцеления в храме Асклепия, прозревший Плутос начинает одаривать богатством честных людей, а не негодяев, как раньше. Из-за этого олимпийские боги и их жрецы теряют свою прежнюю долю жертвоприношений и готовы даже идти к нему в услужение. Но все дело в том, что это – комическая, нереальная картина, и соотносясь с жизнью ре-

альной, то есть – «несправедливой», Плутос должен оставаться таким, каков он в начале пьесы – внешне отталкивающим.

В то же время, внешнее неблагополучие и увечность Плутоса кажутся весьма неподходящими для облика бога богатства. Если по отношению к его бедному одеянию это противоречие, более менее – очевидно, то в отношении признака слепоты – требует разъяснений, тем более, что слепота оказывается постоянной приметой этого мифологического персонажа. Таким, например, он выступает и гораздо позднее (II в. н.э.) в пьесе Лукиана «Тимон» [Лукиан, с. 242, 244, 245].

Представляется, что в архаическом обществе зрение, как раз, было едва ли не главным признаком или даже условием «владельческой». К такому выводу нас приводят этнографические свидетельства об особой роли в архаическом – «неэкономическом» понимании богатства «возможности любоваться своим имуществом». Особенно это заметно при пастушеском быте. Так, европеец просит самоеда-юрака продать ему оленя, но тот отказывается. Европеец недоумевает: «Но ведь у тебя три тысячи оленей, к чему тебе столько?» Юрак отвечает: «Олени бродят, и я гляжу на них. А деньги мне придется спрятать, я не смогу ими любоваться» [Гуревич, 1970, с. 65].

«Зрительно проникающую» способность богатства, хотя на сей раз – чужого, иллюстрирую выдержки В.П. Петрова из приводимого Б.М. Житковым ненецкого сказания-песни, яробца, в котором ненец Вылка попадает в чум к некоему Илибём-бэрти (хозяину оленей, старику, духу): «Поехали со стариком к стаду. Целых семь дней ехали, и все ехали по оленям, глазом конца не видать, как травы оленей. На седьмой день вечером доехали до конца стада и остановились не на самом краю; дальше, как глаз видит, еще табуны, тысяч по 5 ходят. (...) Взглянул (Вылка), со всех сторон...бегут олени. Весь день бежали мимо олени, не мог Вылка конца стада увидеть. Потом пополз Вылка снова в чум, от чума смотрит – не видать конца оленям» [Петров, 1934, с. 160]. Или: «Старик Падури (Илибём-бэрти. – Ю.П.) спросил: «Насмотрелся ли на них, красивы ли?» Сказал Вылка: «Как не видать, в глазах были» [Петров, 1934, с. 160–161]. Видим, что главный предмет благосостояния ненцев – олени стада, Вылка, буквально, «пожирал глазами». Если применить гоголевское же выражение, то он был «обращенный весь в глаза» [Иванов, 1971, с. 140].

В 1514 г. казахский хан Касым, характеризуя лошадей, как главное богатство казахов, которое дает им пищу, питье и одежду, добавляет:

«в землях наших нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется – вот цель наших прогулок» [Толыбеков, 1971, с. 153]. О богатых казахских скотовладельцах начала XIX в. А.И. Левшин писал: «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал: «Для чего я стану продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, всякий говорит, что я богат» [Толыбеков, 1971, с. 153]. Несмотря на то, что здесь силен момент тщеславия, желания зависти окружающих, на первом месте остается «удовольствие» от созерцания своих лошадей.

Подобное представление отражает и следующий – отечественный сюжет, замеченный М.В. Поповичем в летописи под 1075 г. В нем явно сталкиваются два различных представления о богатстве – архаическое, неэкономическое (можно добавить – «плюшкинское») и исповедуемое более прагматичными европейцами. Князь Святослав Ярославич решил продемонстрировать немецким послам свои несметные богатства. «Они же видевше бесчисленное множество, злато, и серебро, и поволоки, и реша: «Се ни в что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужичи бо ся доищуть и болше сего»¹ [ПВЛ, с. 131; Попович, 1985, с. 143].

Характеризуя восприятие собственности архаическим мировоззрением, А.Я. Гуревич отмечает: «В вещи, принадлежит ли она одному человеку или группе людей, заключена, по тогдашним представлениям, какая-то частица самих этих людей» [Гуревич, 1970, с. 64]. В приведенных же примерах прослеживается даже обратная связь – не столько человек распространяет свое невидимое влияние на внешние ему объекты – скот, драгоценности (что подобно клеймению скота хозяином), сколько, посредством зрения, богатство «входит в него», «формируя» его «Я». Впрочем, как в первом, так и во втором слу-

чаях, «отражается общее сознание нерасчлененности мира людей и мира природы» [Гуревич, 1970, с. 64].

Таким образом, в древнейшем, неразвитом понимании, зрение неразрывно сопутствует владетельности и это, как нам кажется, противоречит образу слепого, нищего Плутоса.

Еще одна черта противоречия в образе Плутоса (Богатства) – это его бродяжничество. И в наши дни отсутствие связи человека с постоянным местом жительства говорит о нищете и, соответственно, рассматривается как признак его неполноправия. В древности же человек считался полноправным и живущим вообще только в силу принадлежности к коллективу, прежде всего – роду [Гуревич, 1970, с. 116, 121]. У древних славян ситуацию разрыва с родом, прежде всего территориального, Н.В. Калачов находил в понятии «изгойства»: «... По первоначальным понятиям Славян, жить (гоить) в смысле общественного бытия, значило находиться постоянно в роде, принадлежать к нему, как неотдельный член его, оставаться навсегда вместе с своими родичами. Отсюда, если кто отрешался от своей родовой общины, или становился, по каким-либо причинам, вне родовых отношений, скрепленных единством всех членов каждого отдельного рода не только по их кровным, естественным узам, но и по общему месту жительства, тот в смысле общественном и даже частном более не жил, делался следовательно «изгоем» [Калачев, 1876, с. 56]. Слепые: нищие, кобзари, лирники – также, как правило, бродячие. Сама слепота изгоняет их из привычного мира. Слепота – спутник и даже причина изгойства. Значит, зрение наоборот – необходимое условие совместной, общинно-родовой жизни и «юридической» привязанности к месту. Зрение – важнейший канал, открывающий человека для проникновения в него родового – «своего» начала, тогда как закрытость этого канала делает человека «чужим». Таким образом, жить вместе, сопричастовать во всех делах рода, а также его имуществе (древнерусск. – жизнь) – это, прежде всего, зрительно воспринимать. Бродяжничество

¹ Сходно характеризуется В.О. Ключевским отношение к имуществу московских князей XIV-XV вв.: «Они хорошие хозяева-скопидомы по мелочам, понемногу. Недаром первый из них, добившийся успеха ... перешел в память потомства с прозвищем Калиты, денежного кошелька. Готовясь предстать перед престолом Всевышнего Судии и диктуя дьяку духовную грамоту, как эти князья внимательны ко всем подробностям своего хозяйства, как хорошо помнят всякую мелочь в нем! Не забудут ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой, все запишут, всему найдут место и наследника» [Ключевский, 1908, с. 61–62].

Приведенные примеры напоминают пушкинского «Скупого рыцаря»: «Хочу себе сегодня пир устроить: /Зажгу свечу пред каждым сундуком, /И все их отопру, и стану сам /Средь них глядеть на блестящие груди. / (Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.) Я царствую!.. Какой волшебный блеск! /Послушна мне, сильна моя держава; /В ней счастье, в ней честь моя и слава!» [Пушкин, с. 435].

же, отсутствие связи с территорией рода – следствие слепоты².

Итак, на наш взгляд, образу Плутоса – бога, дарящего богатство, противоречат такие характеристики: внешняя нищета, слепота, бродяжничество. Еще можно добавить – старость, как признак ветхости, негодности, бессилия, – черт, с магической точки зрения, противных архаическому коллективу.

Ключом к разрешению этих противоречий, опять-таки, может служить мотив «слепоты». В.Я. Пропп, анализируя слепоту Яги в сказках, пишет: «Слеп человек не сам по себе, а по отношению к чему-нибудь. Под «слепотой» может быть вскрыто понятие некоторой обоюдной невидимости». Его вывод таков: «живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» [Пропп, 1986, с. 72]. Примером такого положения, как известно, является первоначальная «неспособность видеть» гоголевского персонажа – Вяя [Фрейденберг, 1998, с. 714, прим. 148]. «Смотреть» – мифологически значит «жить»..., а «слепой» = «мертвец», например русск. диал. «жмурук» – умерший» [Фрейденберг, 1998, с. 713, прим. 148, ср. 405]. Слепота – признак смерти³. Ослепнуть – значит «уйти из жизни», из

своего привычного, земного, родового мира в мир «чужой» – загробный. Ослепший автоматически превращается в изгоя – «мертвеца».

В аристофановском Плутосе слепота сопутствует и символически соответствует нищете – скудости, скудости. А зрячесть, как мы уяснили, – признак полноправия, принадлежности к роду, полноты жизненных сил. Воистину – антагонизм между «смертью» и «жизнью»! Так как же, совместить признаки «слепой нищеты» с даятелем богатства Плутосом?

Все оказывается очень просто: «слепым, нищим и скупым» Плутос кажется на этом свете, поскольку, на самом деле, он принадлежит к загробному, иному, подземному миру. Как показала О.М. Фрейденберг, он – бог хтонический, земледельческий, связанный с подземным богатством и загробным миром. Он коррелируется с Плутоном. Второй аспект этого «даятеля богатства» – голодная бедность и смерть [Фрейденберг, 1932, с. 234–235; Фрейденберг, 1998, с. 41, 469]. Очевидно, в своей исконной – подземной среде он и зряч, и богат, и здоров телом, хотя к живым неизменно является в виде слепого старца. Подобно двум евангельским Лазарям (пример, разбираемый О.М. Фрейденберг) – богатому и бедному,

² Роль зрения в «легитимации» повседневной связи человека с родовой территорией (землей с элементами ландшафта, людьми, животными, растениями, предметами), – связи, которая была необходимым показателем самого существования индивида, позволяет несколько по-новому посмотреть на выводы ученых о том, в чем, собственно, состояло первичное понимание связи членов первобытного коллектива. Обычно формой осознания этой связи считается тотемизм. Сущность его выражается в том, что образ животного – представителя вида, на который, главным образом, охотится данный первобытный коллектив, олицетворяя собой общность животного вида, в то же время становится тотемом – воплощением данной группы людей. Предполагают, что уже изначально важным моментом в формировании представления о «тотемическом единстве» стал процесс поедания мяса этого животного, приведший к убеждению, что у всех членов коллектива и всех животных данного вида одна плоть и одна кровь, что все они существа «одного мяса», одной породы [Семенов, 1966, с. 332–333].

Но такая причинно-следственная цепочка вряд ли могла быть сразу же выстроена пралюдьми, тем более, что участвовать в охоте и поесть животное, очевидно, было вполне естественной функцией всех трудоспособных членов первобытного коллектива. Выше приведенное понимание патриархальной собственности скотоводов как, прежде всего, «видимой» (вернее, – в «зрении» объединяемой с владельцем), подсказывает, что именно зрительная сосредоточенность всего первобытного коллектива на некоем образе животного, отвечающая хозяйственной в нем заинтересованности, могла «сделать» этот образ тотемом определенной территории, слитной с коллективом. Хотя, в дальнейшем, по-видимому, к этому прибавилось и осмысление момента поедания.

Созвучие выше приведенным выводам о роли зрения в первобытности находим у О.М. Фрейденберг, которая отмечает, что «для первобытного общества весь мир оборачивается своей зрительной стороной, причем все члены этого общества имели совершенно одинаковое представление о том, что видели» [Фрейденберг, 1998, с. 26; ср. 33–34].

Констатация подобной роли зрительного восприятия, возможно, позволит по-новому понять и роль творца первобытного изобразительного искусства. Поскольку древний художник-тотемист «создавал себя» через видимый окружающий мир, то изображая животное, он, в какой-то мере, создавал автопортрет, – не во внешнем, но как бы в личностном смысле. Рисуя оленя или бизона, он, буквально, сливался с этим изображением в единое целое, как оборотень, становясь оленем или бизоном, и далее продолжал оставаться в орбите магического излучения этого изображения. Зрительный образ, психологически переживаемый как «самость», закреплялся в рисунке, в виде которого продолжал «влиять» на судьбу человека.

Если в нашем понимании человек это – субъект, а животное – объект наблюдения, охоты или изображения, то, в древнейшем понимании, объект не только сливается с субъектом, но и, возможно, поглощает сам субъект.

Если смотреть на современное художественное творчество с точки зрения его архетипической мотивировки, то художник, как и его доисторический предок, не просто запечатлевает на память интересные виды или персонажей, но совершает акт, который формирует его личность, помогает ему познать через окружающее свой внутренний смысл.

³ Слепота, как знак принадлежности к иному миру и «иному», более глубокому видению, логично объединяет даже два таких разных образа, как Гомер и Вий: «Вражало Гоголя те, що Гомер був сліпець, «позбавлений зору, властивого всім людям, і озброєний тим внутрішнім оком, котрого не мають люди!» Наскільки близьке це сприйняття тій філософії погляду, що успадкована Гоголем від архаїчної культури і втілена у «Вій!» [Попович, 1989, с. 142].

которые в загробном мире меняются ролями, пересечение грани между двумя мирами превращает Плутоса из богатого в бедного и наоборот. Эта грань смерти, по-видимому, первоначально и символизируется тем обрывом, на краю которого традиционно оказывается старик-слепец, как в античных, так и более поздних произведениях. Опасность падения туда Плутоса появляется в начале разбираемой пьесы Аристофана [Аристофан, с. 408].

Сама старость низвергает человека в бездну, метафорически соответствующую «слепоте-смерти» [Фрейденберг, 1932, с. 238–239]. Вспомним здесь характеристики Плюшкина. Ранее он был «умнейший, богатейший человек» [Гоголь, с. 135]. Теперь же: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек! мог так измениться! /.../ Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости»⁴ [Гоголь, с. 119]. Его нынешний мир – дом, глядящий «каким-то дряхлым инвалидом», с «подслеповатыми окнами», сам похож на могилу⁵, от его темных широких сеней дует холодом, «как из погреба». Подобно «скупому» Плутосу, Плюшкин «всех людей переморил голодом». Предприятие Чичикова с целью приоб-

ретения «мертвых душ», именно здесь находит свою полную смысловую завершенность. Символично, что главный герой Гоголя, гонимый за богатством и высоким статусом, «обретает» его в «плюшкинской» могиле человеческих надежд. Это напоминает нам о двойственности, противоречивости «плутоса» (богатства). Само это богатство оказывается призраком, оно, на сей раз, действительно – «мертво». Истинная будущность любого богатства, как символа полноты жизненных возможностей, – в образе, в сущности, беспомощного старика Плюшкина.

Считают, что Гоголь не до конца исчерпал образ Плюшкина [Топоров, 1995, с. 44–45]. Но возможно ли его исчерпать вообще? Главная заслуга этого персонажа в том, что он дает пищу для раздумий о превратностях человеческой судьбы, тесно связанной с отношением к «вещному» миру.

В связи с проводимой нами параллелью – «Плюшкин – Плутос», нельзя не высказать предположения о непосредственном влиянии античного образа на гоголевский, на чем, впрочем, сложно настаивать. Но уже давно было замечено, что, как в эпическом стиле Гоголя, так и в приводимых им для сравнения образах, наблюдается связь с античными произведениями [Мандельштам, 1902,

⁴ В.Н. Топоров верно подмечает, что лирическое отступление Гоголя при подъезде Чичикова к деревне Плюшкина подчеркивает идею движения от юности к старости – нисхождение, упадок, закат [Топоров, 1995, с. 47].

⁵ Хотя сам Гоголь здесь восклицает, что «могила милосерднее» старости [Гоголь, 1975, с. 119], но атмосфера «вхождения в загробный мир» явно ощущается: «... Плюшкин вводит Чичикова через сени в комнату, и это введение, совершаемое в три шага, тоже напоминает сказочное или – шире – мифопоэтическое нисхождение в иной мир, в его тьму и холод, в хаотический беспорядок...» [Топоров, 1995, с. 57].

Для сравнения Плутоса и Плюшкина по признаку их принадлежности к иному миру интересна бросающаяся в глаза грубость двух персонажей. У Аристофана – Слепой (Плутос): «Чтоб ты пропал!» [Аристофан, 1983, с. 407]; «Будь ты проклят, говорю тебе!»; «О, если б от меня вы отвязались!» [Аристофан, 1983, с. 408]. В отношении же Плюшкина И. Мандельштам замечал: «Как ни мало говорит он вообще, но его словарь какой-то специальный – весь он состоит из отрывочных фраз, пропитанных недовольством, подозрительностью, злобностью, враждебностью ко всему, что окружает его» [Мандельштам, 1902, с. 334]. Так, например, смысл невнятного бормотания Плюшкина: «А побрал бы тебя черт с твоим почтением!» [Гоголь, 1975, с. 112]. «Неприятие с порога» внешнего вмешательства – архаическая черта, свойственная замкнутости первобытного коллектива внешнему – «чужому» миру. Характерна она и для столкновения двух миров – земного и загробного. Интересно, что когда Чичиков не узнает в Плюшкине хозяина, следует вопрос: «Что, батюшка, слепы-то, что ли?» [Гоголь, 1975, с. 108]. Мотив «узнавания» связан с мифологическо-сказочной «обойдной невидимостью» представителей двух миров. Живой, попадая в загробный мир, тоже слепнет [Пропп, 1986, с. 72]. В особенности, мотив временной «слепоты-смерти» проявляется в обрядах посвящения, инициаций, производимых над юношами на пороге возмужания [Пропп, 1986, с. 74–75]. С этой точки зрения примечательна идея предопределенности судьбы – нисхождения от молодости к старости – в визите Чичикова к Плюшкину.

Что касается мотива «зрения» в отношении Плюшкина, то, на первый взгляд, этот персонаж не заподозришь в слепоте прямо, хотя уже в самих глазах его проявляется некий хтонизм: «маленькие глазки ... бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши...» [Гоголь, 1975, с. 108]. Но главное, что, с годами, его зрение ухудшается «содержательно». В молодости у Плюшкина «в глазах был виден ум» [Гоголь, 1975, с. 109], соответственно: «в доме были открыты все окна» [Гоголь, 1975, с. 110]. Далее же: «С каждым годом притворялись окна в его доме... с каждым годом уходили из вида более и более главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате» [Гоголь, 1975, с. 111]. В сущности, кругозор Плюшкина замкнулся на малом круге лежащих под ногами вещей, тогда как по отношению к внешнему кругу его зрение отличает подозрительность, которая сродни искажению зрения, то есть – слепоте. Вот как об этом пишет В.Н. Топоров: «Зоркость предполагает расширение горизонта, открытость, объективность данных, поставляемых зрением уму; подо-зрительность (префикс под/о/ в этом отношении особенно красноречив: он предполагает взгляд снизу и направленный не столько на сам объект, сколько на некий его нижний слой, подкладку, которой, строго говоря, может и не быть), напротив сужает горизонт, сокращает-закрывает его ширь, вносит тот перевес субъективного-неполного над объективно-полным, который деформирует самое структуру информации и конкретный ее смысл: хорошо видеть, плохо не видеть, но еще хуже видеть неправильно, не созная при этом неправильности, потому что при переводе этих трех «состояний» зрения в поведенческий план последнее состояние, несмотря на «частичное» наличие зрения, толкает к неконтролируемому и не поддающимся со стороны субъекта правильной оценке шагам» [Топоров, 1995, 69–70].

с. 154; Попович, 1989, с. 142]. К примеру, в «Мертвых душах», как отмечал М. Альтман, встречается ряд пародийных переключек с гомеровским эпосом. Так, председатель гражданской палаты города NN мог продлить или ускорить присутствие, «подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додаться...» [Гоголь, с. 129–130]. Описание же остроумной аферы Чичикова на таможене, когда испанские бараны «в двойных тулупчиках» перенесли через границу на миллион брабантских кружев [Гоголь, с. 223], напоминает эпизод из «Одиссеи» Гомера, в котором хитроумный герой и его спутники выбрались из пещеры циклопа Полифема, укрывшись под брюхами густорунных баранов. Служанка помещицы Коробочки, Фетинья, которая уносит «мокрые доспехи» попавшего под ливень Чичикова, – явная па-

родия на морскую богиню Фетиду в гомеровской «Илиаде», раздобывшую доспехи Ахиллу. В пародиях на гомеровский эпос Гоголь был последователем И.П. Котляревского, пародировавшего «Энеиду» Вергилия [Альтман, 1963, с. 142].

Конечно, мы не знаем наверняка, задумывался ли писатель над двойственной природой Плутоса и случайно ли созвучие с ним имени Плюшкина, но сходство обоих несомненно.

Эти образы демонстрируют архаическое, едва ли не тотемическое по природе, видение человеком себя через окружающий мир: Плюшкин находит себя в «лежащих под ногами» предметах, анализ же слепоты Плутоса, очутившегося среди людей, показывает отверженность, неимущество слепого, отсутствие его взаимодействия с внешними вещами, равное смерти, соответственно, указывая, что зрительное восприятие вещей, в архаическом понимании, должно означать «жизнь».

ЛІТЕРАТУРА

- Альтман М. 1963. Заметки о Гоголе // Русская литература. – №1. – Л.
 Аристофан. 1983. Комедии. – М. – Т. 2.
 Гоголь Н. 1975. Мертвые души. – М.
 Голіченко Т.С. 1994. Слов'янська міфологія та антична культура. – К.
 Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М.
 Иванов Вяч.В. 1971. Об одной параллели к гоголевскому Вию // Ученые записки Тартуского Гос. ун-та. – Т. 5.
 Калачов Н.В. 1876. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Ник. Калачовым. – СПб. – Кн. I.
 Ключевский В.О. 1908. Курс русской истории. – М. – Ч. II.
 Лукиан. 1935. Собрание сочинений в 2-х т. – М.-Л. – Т.2.
 Мандельштам И. 1902. О характере гоголевского стиля. – СПб.-Гельсингфорс.
 Петров В. 1934. Опыт стадийного анализа

«охотничьих игрищ» (к постановке вопроса) // Советская этнография. – № 6.

- Повесть временных лет. – М.-Л., 1950. – Ч. I.
 Попович М.В. 1985. Мировоззрение давних славян. – К.
 Попович М.В. 1989. Микола Гоголь: Роман-есе. – К.
 Пропп В.Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. – Л.
 Пушкин А.С. 1986. Сочинения в 3-х т. – М., – Т. 2.
 Семенов Ю.И. 1966. Как возникло человечество. – М.
 Тольбеков С.Е. 1971. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата.
 Топоров В.Н. 1995. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М.
 Фрейдберг О.М. 1932. Слепец над обрывом // Язык и литература. – Л. – Т. VIII.
 Фрейдберг О.М. 1998. Миф и литература древности. – М.

Y.G. Pysarenko

PLYUSHKIN: PLUTOS AND SELF-IDENTIFICATION OF A MAN THROUGH THE OUTER WORLD

Summary

Parallels between Plyushkin, the character of N. Gogol's «Dead souls», and ancient Greek god Plutos are investigated and examined in their connection with archaic type of world outlook.